

IZABRANE PJESME

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И берёзы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мёртвой колотушкой.

1910

Već je večer. Rosa
Pokriva koprivu,
Stojim blizu puta,
Naslonjen na ivu.

Mjesečina jaka
Krov nam osvjetljuje,
A pjesma slavuja
Jasno odjekuje.

Lijepo je i toplo
Ko zimi kraj peći,
Breze uspravno stoje
Kao velike svijeće.

A tamo preko rijeke,
Gdje se nazire šuma,
Drvenu podiže lupu
Stari pospani šumar.

1910.

(Prepjev *Antica Menac*)

Сыплет черёмуха снегом
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шёлковые травы
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы,
Я одурманен весной.

Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черёмуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

1910

Oskoruša snijeg prosipa
Po procvaloj travi i rosi.
U polju, sred mekog lišća,
Gega se kolona ptičja.

Gle, niču svilene trave,
Miris po smoli dolijeće.
Slušajte, šume, dubrave,
Omamilo me je proljeće.

Ko dúga tajnovite vijesti
Svijetle u duši mojoj,
Mislim o prelijepoj nevjesti
I pjevam samo o njoj.

Još sipaj, oskоруšo, snijeg!
Ptice šumske, cvrkućite!
Pijano uza me trčite
Dok prenosim cvijet po cvijet.

1910.

(Prepjev *Antica Menac*)

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСНЕ

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, берёзы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри чёрные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить.
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Всё мне чудился тихий раскованный звон.

1910

OPONAŠANJE PJESME

Pojila si konja s dlanova u hodu,
slika bijelih breza pala je u vodu.

Ja vidjeh kroz prozor, a bila je zima,
igrao se vjetar crnim uvojcima.

Htjedoh, dok je voda blistala u pjeni,
cjelov da ukradem s usana rumenih.

Polila me vodom, smiješec se i sama,
nestala u trku, zvoneć potkovama.

Dok sunčane pređe nove niti broje
tvoj je sprovod prošo pored kuće moje.

I uz plač opijela, iza tužnih lica,
kao da sam čuo zveket potkovic.

1910.

(Prepjev Zvonimir Golob)

ПОЭТ

Он бледен. Мыслит страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.

Клоками сбиты волоса,
Чело высокое в морщинах,
Но ясных грез его краса
Горит в продуманных картинах.

Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.

Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум, душевный шум...
Снесет он завтра за целковый.

<1910–1912>

PJESNIK

Sav blijed je. Sluti strašan put.
Zlo, što ga lupi nemilice,
Duboko utisnu mu grud,
A sumnje ispile mu lice.

Čerupa kosu pram po pram,
U čelo usjekle se bore,
A divne sanje kao plam
Kroz nadahnute slike gore.

Na tavanu je skutren svom,
Dim svijeće nagriza mu oči,
I razgovore s olovkom
On krišom vodi u samoći.

I tužnu pjesmu slaže um
Dok srcem sluša odjek snova,
No dat će šum, taj dušin šum
Sutradan već za sitan novac.

<1910–1912.>

(Prepjev *Radomir Venturin*)

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
»Ты прощай ли, моя радость, я женюся на другой«.
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеёю развилась её коса.

»Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказать: за другого выхожу«.
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили – плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе, –
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

Lijepa bijaše Tanjuša, selo ljepšu ne vidje,
crven vez na bijeloj suknji i sarafan preko nje.
Uvečer uz ponor Tanja duž plotova prolazi.
S oblacima mjesec blijedi igra se, ne zalazi.

Pojavi se rudlav momak, glavom joj se nakloni:
»Draga, ja se s drugom ženim, zbogom ti mi ostani.«
Ona problijedi ko mrtva, ko rosu je prekri hlad.
Pletenica joj se savi ko otrovna zmija tad.

»O, moj momče modrooki, bez uvrede baš sam ti
došla reći da se spremam za drugoga udati.«
To jutarnja nisu zvona, nego graja svadbena,
na kolima svati jure, mlada – lica skrivena.

To ne kuka kukavica, nego plače rodbina,
od udarca kobnog rana pored oka Tanjina.
Krvav vjenčić oko čela kao grimiz krasi je,
lijepa bijaše Tanjuša, selo ljepšu ne vidje.

1911.

(Prepjev *Dubravka Dorotić Sesar*)

ЗВЁЗДЫ

Звёздочки ясные, звёзды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звёзды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?

Частые звёздочки, звёздочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас
могучего?
Чем увлекаете, звёзды небесные,
Силу великую знания жгучего?

И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объяття широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звёзды небесные, звёзды далекие!

<1911>

ZVIJEZDE

Zvezdice blistave, zvezdice visoke!
Što li to u sebi čuvate, tajite?
Zvijezde, što skrivate sve misli duboke,
kakvom to snagom svu dušu vi plijenite?

Na nebu zbijene zvezdice daleke!
Što je to u vama divno,
svemoguće?
Čime privukoste, zvezdice nebeske,
tu snagu veliku spoznaje goruće?

I zašto, recite, kad tako blistate,
k nebu nas mamite pod skute široke?
Srca nam grijete kad u nas gledate,
zvezdice nebeske, zvezdice visoke!

<1911.>

(Prepjev *Dubravka Dorotić Sesar*)

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Тихо струится река серебристая
В царстве вечернем зелёной весны.
Солнце садится за горы лесистые.
Рог золотой выплывает луны.

Запад подёрнулся лентою розовой,
Пахарь вернулся в избушку с полей,
И за дорогою в чаще берёзовой
Песню любви затянул соловей.

Слушает ласково песни глубокие
С запада розовой лентой заря.
С нежностью смотрит на звёзды
далёкие
И улыбается небу земля.

<1911–1912>

PROLJETNA VEČER

Rijeka sva u srebru potiho žubori
zelenilom tamnim carstva proljetnog.
Sunce već je zašlo za šume u gori
i mjeseca zlatnog izvio se rog.

Ružičastim plaštem zapad je prekriven,
vratio se orač s polja domu svom,
a za putom negdje u breziku skriven
javio se slavuj pjesmom ljubavnom.

Dok mu pjesmu sluša, tone u milini
suton sav u rujnom sjaju zapadnom.
Gledajući nježno zvijezde
u daljini
sva se zemlja smiješi nebu beskrajnom.

<1911–1912.>

(Prepjev *Dubravka Dorotić Sesar*)

ДАЛЁКАЯ ВЕСЁЛАЯ ПЕСНЯ

Далеко-далеко от меня
Кто-то весело песню поёт
И хотел бы провторить ей я,
Да разбитая грудь не даёт.

Тщетно рвётся душа до неё,
Ищет звуков подобных в груди,
Потому что вся сила моя
Истощилась ещё впереди.

Слишком рано я начал летать
За мечтой идеала земли,
Рано начал на счастье роптать,
Разбираясь в прожитой дали.

Рано пылкой душою своей
Я искал себе мрачного дня
И теперь не могу вторить ей,
Потому что нет сил у меня.

1912

DALEKA VESELA PJESMA

Daleko od mene, daleko
Pjesmu veselo pjeva sad netko.
I ja bih, ah, kamo sreće,
Al ranjeno srce to neće.

Zalud duša za pjesmom žudi,
Srodne zvuke traže mi grudi,
Jer sva snaga što je tu bila
Unaprijed se sasvim istrošila.

Počeo sam letjeti prerano
Za zemaljskom maštom ideala,
Pa i sreći prigovarati rano,
Bila ona velika il mala.

Moja vrela duša je prerano
Svakojaka tražila rješenja
I zato ne mogu sad pjevati,
Jer u meni snage više nema.

1912.

(Prepjev *Antica Menac*)

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нём бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьём украшенный, мелькнул
за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912

Sviraj, sviraj, harmoniko zvuka predivnog,
A ti, ljepotice, sad dočekuj svoga suđenog.

Cvijet različak osvjetljava srce plavom bojom,
A ja pjevam plavim očima s harmonikom svojom.

Nisu zore u jezero utkale te šare,
To je bljesnuo tvoj rubac, rukom vezen,
šaren.

Sviraj, sviraj, harmoniko zvuka predivnog,
Nek začuje ljepotica glas svog ljubljenog.

1912.

(Prepjev *Antica Menac*)

Задымился вечер, дремлет кот на брусе,
Кто-то помолился: »Господи Исусе«.

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повеи.
Где-то мышь скребётся в затворенной клетки...

У лесной поляны – в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копыя, уперлися в небо.

Закадили дымом под росую рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

1912

Pocrnjelo veče, drijema mačak sneni.
Netko tiho moli: »Isuse maleni«.

Buknula je zora i magle se dime,
prozor se crveni i zavjese s njime.

Paučina lebdi, zlatno sunce sjaji,
stružu zatvoreni miševi u staji...

Na šumskoj poljani žutog žita snoplja,
prema nebu streme jele kao koplja.

Ko tamjan mirišu i dime se šume...
Moći i tišina već ulaze u me.

1912.

(Prepjev Zvonimir Golob)

Матушка в Купальницу по лесу ходила,
Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

Na Kupalu mati šumom išla bosa,
išla spotičući se, plavila je rosa.

Čarobna joj trava nježne noge bola,
ranjena je jadna plakala od bola.

Trudovi je naglo stigli u toj zgodi,
tad jauknu mati i tu sama rodi.

S pjesmama se rodih kad su trave cvale,
proljetne me zore dugom povijale.

Odrasli sam unuk noći Kupaline,
sreću mi proriče čarolija tmine.

Al ne valja sreća što će sama doći,
stog ja hrabro biram obrve i oči.

Ko pahulju bijelu modrina me guta
pa tragove brišem svog usuda kruta.

1912.

(Prepjev *Dubravka Dorotić Sesar*)

МОИ МЕЧТЫ

Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыдания,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страдания.

Я там могу найти себе
Отраду в жизни, упоенье,
И там, наперекор судьбе,
Искать я буду вдохновенья.

1912

MOJA MAŠTANJA

Misli mi u daljinu lete,
gdje vapaje i jecaj čujem.
S drugima dijelim tuge, sjete,
patnje i bolne sve oluje.

Naći ću sebe u daljini,
utjehu i ekstaze vruće,
i tamo, usprkos sudbini,
tražit ću svoje nadahnuće.

1912.

(Prepjev *Dubravka Dorotić Sesar*)

ИСПОВЕДЬ САМОУБИЙЦЫ

Простись со мною, мать моя,
Я умираю, гибну я!
Большую скорбь в груди храня,
Ты не оплакивай меня.

Не мог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.
И то, чем жил и что любил,
Я сам безумно отравил.

Своею гордою душой
Прошёл я счастье стороной.
Я видел пролитую кровь
И проклял веру и любовь.

Я выпил кубок свой до дна,
Душа отравой полна.
И вот я гасну в тишине,
Но пред кончиной легче мне.

Я стёр с чела печать земли,
Я выше трепетных в пыли.
И пусть живут рабы страстей –
Противна страсть душе моей.

ISPOVIJED SAMOUBOJICE

Oprostimo se, majko, sad,
ja umirem, ja ginem mlad!
Sve boli skrivaj i ne pati
i nemoj za mnom plakati.

Ne mogoh živjet s ljudima,
studen mi jed u grudima.
I sve što voljeh, sve što znam
zagorčio sam sebi sam.

Pun ponosa mi bješe duh,
kraj sreće prođoh slijep i gluh.
Ja vidjeh ruke krvave
i prokleh vjeru, ljubav, sve.

Ja čašu ispih sve do dna,
u duši guja otrovna.
I sam se tiho gasim sad,
al pred kraj lakši je moj jad.

Izbrisah s čela zemlje prah,
nadvladao sam ljudski strah.
Nek žive strasti robovi –
mom duhu štete okovi.

Безумный мир, кошмарный сон,
А жизнь есть песня похорон.
И вот я кончил жизнь мою,
Последний гимн себе пою.

А ты с тревогою больной
Не плачь напрасно
Надо мной.

1912–1913

Bezuman svijet, san košmaran,
život je psalam pogreban.
Sad svrših život mučan, krut,
još sebi pjevam zadnji put.

A ti u teškom jadu svom
ne plači zalud
nada mnom.

1912–1913.

(Prepjev Dubravka Dorotić Sesar)

Ты плакала в вечерней тишине,
И слёзы горькие на землю упали,
И было тяжело и так печально мне,
И всё же мы друг друга не поняли.
Умчалась ты в далёкие края,
И все мечты увянули без цвета,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и привета.
И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый образ твой,
И слышу в тишине тоскливые рыданья.

1912–1913

Plakala si – oko nas mrak i noć –
Suze su tvoje na zemlju padale,
Od tuge nisam mogao do riječi doć.
Ipak se nismo sasvim shvatili.
Pobjegla si u dalek tuđi kraj.
Snovi uvenuše, ne dadoše cvijeta,
I ostah opet sasvim sam sred svijeta.
S patnjom u duši, sav nestade sjaj.
Sad često idem u večernje sate
Na ona mjesta gdje smo sretni bili
I vidim lik tvoj, mogu mislit na te
I možda čuti koji jecaj mili.

1912–1913.

(Prepjev *Antica Menac*)

БЕРЁЗА

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежную каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

1913

BREZA

Gle, brezica bijela
Pod prozorom mojim
Prekrivena snijegom
Kao srebrom stoji.

Na granama nježnim
Snijegom prepletenim
Grozdići procvali
Čipkama vezenim.

Stoji breza tako,
Tihi san je hvata,
Sve pahulje plamte
U vatri od zlata.

A zora, što lijeno
Šeće tamo-amu,
Sipa novo srebro
Po granama samo.

1913.

(Prepjev *Antica Menac*)

ОСЕНЬ

Р.В.Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гривы.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг её подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнёт листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914

JESEN

R. V. Ivanovu

U čestaru smreka, niz padinu sivu
jesen – riđa kobila – češe grivu.

Na obalama, nad koprenom rijeke
čuju se modrih kopita jeke.

A monah-vjetar bojažljivo luta,
raznosi lišće na raskrižju puta.

I na oskoruši što na suncu blista
ljubi jarke rane nevidljiva Krista.

1914.

(Prepjev *Zvonimir Golob*)

МОЛИТВА МАТЕРИ

На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится старушка.

Молится старушка, сына поминает,
Сын в краю далёком родину спасает.

Молится старушка, утирает слёзы,
А в глазах усталых расцветают грёзы.

Видит она поле, это поле боя,
Сына видит в поле – павшего героя.

На груди широкой запеклася рана,
Сжали руки знамя вражеского стана.

И от счастья с горем вся она застыла,
Голову седую на руки склонила.

И закрыли брови редкие сединки,
А из глаз, как бисер, сыплются слезинки.

<1914>

MAJČINA MOLITVA

U kući kraj sela, u dubokoj boli,
pred ikonom kleči starica i moli.

I molitva njena govori o sinu,
sin negdje daleko brani domovinu.

Starica se moli, suza se ne stidi
i očima trudnim strašnu sliku vidi.

Ona vidi polje, polje poslije boja
i na zemlji mrtva svog sina heroja.

Teče krv iz grudi, svuda mrtvi leže,
a on hladnom rukom stijeg dušmana steže.

Sva se skamenila od sreće i muke
i sijedu je glavu spustila na ruke.

Obrve joj rijetke sijede vlasi kriju
ko biserje suze teku iz očiju.

<1914.>

(Prepjev *Zvonimir Golob*)

Шёл Господь пытатъ людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве,
Жамкал дёснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: »Вишь, какой убогой, –
Знать, от голода качается, болезный«.

Подошёл Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
»На, пожуй... маленько крепче будешь«.

1914

Pođe bog da kuša ljude u ljubavi
i stiže ko prosjak u pustinju s neba.
Stari djed na suhom panju u dubravi
desnima je mljeo suhu koru hljeba.

Djed vidje prosjaka daleko na putu
gdje sa štapom hoda, umoran i jadan
i pomisli: »Gledaj sirotinju ljutu,
sigurno tetura bolestan i gladan.«

I priđe gospod, krijuć jad i muku:
kaže se, tuđem srcu nije stalo...
A starac reče, pružajući ruku:
»Na, žvači i ti, ojačat ćeš malo.«

1914.

(Prepjev Zvonimir Golob)

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах весёлый пляс.

Побегу по мятой стёжке
На приволь зелёных лех,
Мне навстречу, как серёжки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
»Кинь ты Русь, живи в раю!«
Я скажу: »Не надо рая,
Дайте родину мою«.

1914

Rusijo, rodni moj dome,
kuće – ko slike iz hrama...
Oči u beskraju tvome
modrina guta mi sama.

Ko hodočasnik na putu
gledam ti polja širinu.
Uz rub nizine u kutu
topole šušteći ginu.

Jabuka miris i meda
Spasitelj u crkvi budi.
Pjesma za pjesmom se reda
i kolovođa se trudi.

Stazom potrčat ću lako
kroz široke zelene luke.
I djevojačkoga tako
smijeha ću susresti zvuke.

Zbor svetih ako mi s neba
bez Rusije otvori raj,
reći ću: »Raj mi ne treba,
domovinu moju mi daj.«

1914.

(Prepjev *Dubravka Dorotić Sesar*)

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звёздные псалмы.

Я вижу – в просиничном платё,
На легкокрылых облаках,
Идёт возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несёт для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
»Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорью и полднью у куста«.

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.

1914

Ne viju vjetri tamnim gvozdom
nit lišće zlati padine.
Iz beskraja pod modrim svodom
ja čujem psalme zvjezdane.

Vidim – pod rupcem svijetloplavim
na oblacima nebeskim
predraga Mati se pojavi,
u krilu prečisti joj Sin.

Iznova sad se svijetu vraća
da raspnu Krista uskrslog:
»Opet te, Sine, čeka drača
i dan i noć bez krova svog.«

I pitat ću se kad požalim
putnika nekog ubogog
brezovim štapom ne lupa li
sam Pomazanik i sam Bog.

Možda na putu zbog krivina
prepoznat neću u taj čas
u jeli – krila Kerubina,
a ispod panja – gladni Spas.

1914.

(Prepjev *Dubravka Dorotić Sesar*)

Чую радуницу Божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между ёлок,
Меж берёз кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иус.

Он зовёт меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный пух от бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льётся пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В богородицын покров.

1914

Radunicu Božju ćutim –
uzalud ne živim, znam,
obrasli me zovu puti
i u travi sretan sam.

Kroz borove, šumu breza
s kovrčama bisernim,
pod vjenčićem šumskog veza
Isus mi se pričini.

Ko u kraljevstvo me svoje
u dubrave poziva.
U brokatu lila boje
tamna šuma gori sva.

Božji duh, taj golub bijeli,
kao jezik ognjeni,
obuhvati put moj cijeli,
krik mi slabi zatomi.

U bezdanu oka – plamen,
srce griju dječji sni,
od rođenja svet je za me
pokrov Bogorodičin.

1914.

(Prepjev Dubravka Dorotić Sesar)

Я пастух, мои палаты –
Межи зыбистых полей,
По горам зелёным – скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В жёлтой пене облака.
В тихой дрёме под навесом
Слышу шёпот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росую тополя.
Я – пастух; мои хоромы –
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

1914

Ja sam pastir, moje dvore
okružuje polja pâs
i zelene kose gore,
s kojih kriješti šljuka glas.

Nad šumom se zapjenjeno
vrte oblaci u krug.
Dok pod krošnjom drijemam lijeno,
šapuće mi borov lug.

Zeleno u suton gore
rosne krošnje jablana.
Ja sam pastir; moje dvore
grle polja mekana.

S kravama se ja na kravljem
jeziku razgovaram.
Mirisne dubrave granjem
zovu rijeku cijeli dan.

Ljudski očaj me ne mori,
uz panj stari noćujem.
Grimiznoj se molim zori,
s izvora pričešćujem.

1914.

(Prepjev *Dubravka Dorotić Sesar*)